

Название - классическая китайская метафора, означающая «скрывать свои истинные таланты, намерения и силу до поры до времени»

В одиннадцатый год эры Шэньчу император Ли Цзюй покинул этот мир и вознёсся на драконе к небесам. Ему был присвоен посмертный титул Хуай-ди¹, и по всей стране объявили великий государственный траур.

¹В китайской традиции знаки для посмертных имён выбирались строго по канону согласно делам покойного. Иероглиф Хуай (懷) в данном контексте имеет скорбный, трагический оттенок: «сострадание», «тоска», «утрата». Он присваивался правителям, которые пали жертвой суровых обстоятельств, пережили крах государства или погибли на чужбине, так и не успев довести свои реформы до конца.

Согласно ритуалу, после кончины Сына Неба чиновники, министры и весь простой народ обязаны были держать трёхлетний траур. В течение этих трёх лет надлежало носить траурные одежды из грубой рогожи, строго-настрога запрещались любые увеселения, праздники и свадьбы, а всё государственное управление фактически должно было замереть. Однако Старшая Принцесса Ли Яньи, министр правосудия Вэй Лунь и глава ведомства финансов Чжансунь Яо рассудили иначе. Они понимали, что Великая Юй сейчас переживает важнейший, критический период послевоенного восстановления, и в стране есть масса неотложных дел, связанных с выживанием простого народа. К тому же варвары Чунцзиня отступили лишь временно, и никто в Поднебесной не знал, в какой именно день варварские орды снова двинутся на штурм рубежей. Следовало использовать эту передышку, чтобы в кратчайшие сроки реанимировать экономику и боевую мощь армии. Если же сейчас сковать страну трёхлетним бездействием ради траура по Хуай-ди, то это неизбежно погубит государство. Более того, внутри империи до сих пор бесчинствовали бунтовщики из «Армии Жёлтой Земли», которых требовалось немедленно уничтожить ради успокоения народных масс.

При полной поддержке вдовствующей императрицы Гэн трёхлетний срок траура был радикально сокращён всего до трёх дней, после чего все чиновники официально сняли траурные одежды и вернулись к работе. Из-за полной нищеты государственной казны похороны императора провели по самому скромному, бедному разряду. За исключением того, что всех бездетных наложниц, кормилиц и дворцовых служанок покойного императора заживо отправили в гробницу в качестве погребальных жертв², количество остальных ритуальных ценностей и даров в могиле было сведено к минимуму.

²Один из самых жестоких сакральных ритуалов древнего Китая. Согласно конфуцианским и доконфуцианским верованиям, правитель на том свете нуждался в том же комфорте, что и при жизни. Поэтому всех наложниц и служанок императора, которые не успели родить ему детей (и следовательно, не имели статуса матерей принцев), после его кончины душили, травили или заживо замуровывали в подземных чертогах императорской усыпальницы.

Прах Хуай-ди уже упокоился в земле, но перед выжившими встал самый первейший, судьбоносный и важнейший вопрос: кто именно займёт опустевший драконий трон.

Государство не может существовать без императора ни единого дня. В тот самый час, когда Вэй Тинсюй и её люди доставили в Жуниин уже тронутый тлением труп и официально объявили, что это и есть останки Ли Цзюя, главнокомандующий Се Фучэнь предъявил двору тайное предсмертное завещание правителя. Опираясь на этот свиток, он потребовал немедленно провозгласить новым императором Хуайань-вана - принца Ли Суна. Однако прямо в день оглашения указа из резиденции принца пришла на редкость своевременная весть: Ли Сун скорострительно скончался из-за фатальной передозировки пилюль бессмертия.

Когда это страшное известие долетело до ушей Се Фучэня, он как раз стоял посреди тронного зала, сжимая в руках императорское завещание и ведя жёсткий словесный поединок с Ли Яньи. Выслушав гонца, Ли Яньи лишь скорбно вздохнула. Заведя руки за спину и гордо выпрямив осанку, она застыла точно великие владыки прошлых эпох, на ней ещё не было парадного драконьего халата, но от всего её облика уже веяло неистовой, сокрушительной аурой истинного правителя Поднебесной.

- Какая жалость, какая неопишутая жалость... - протянула она. - Принц обладал всеми талантами, чтобы просвещением унаследовать престол и продолжить дело предков, но кто же мог подумать, что он так глупо погубит своё великое будущее безмерным увлечением алхимией. Поистине таков был его предначертанный звёздами удел, таков его злой рок.

Се Фучэнь в упор посмотрел на неё, не отводя глаз:

- Пусть Хуайань-ван и питал слабость к созданию пилюль, однако все принимаемые им снадобья состояли исключительно из целебных, укрепляющих сердце и селезёнку трав высшего качества. С какой стати ему вдруг падать замертво? Очевидцы доносят, что в момент кончины лицо принца было чернее чугуна, и он изрыгал кровь целыми чашами. Это явные, бесспорные признаки тяжелейшего отравления ядом.

Эти хлёсткие обвинения не вызвали на лице Ли Яньи ни малейшего замешательства. Улыбка ни на миг не сошла с её губ. Закинув голову к небу, она принялась лениво созерцать редкие перистые облака, плывущие в вышине, и лишь краем глаза мазнула по фигуре Се Фучэня:

- О? Вот оно как? Какое, право слово, загадочное и подозрительное происшествие. Неужто в столице действительно завёлся подлый злодей, дерзнувший отравить Хуайань-вана?

Словно вспомнив о чём-то важном, Ли Яньи внезапно сменила позу. Наклонившись к нему ближе, она перешла на вкрадчивый, зловещий шёпот:

- Великий сыма Се... Принц Ли Сун был официально избран и вписан в завещание самим Хуайди перед его уходом на фронт. И то, что преемника престола внезапно травят как бешеную собаку, дело государственной важности. Как полагает сам господин командующий, чья именно рука налила этот яд в чашу?

Се Фучэнь промолчал. Казалось, в глубине души он ещё задолго до этого дня во всех деталях просчитал подобный исход, но по какой-то неведомой причине сейчас предпочёл замкнуть уста

и не проронил ни слова.

Ли Яньи было абсолютно наплевать, отчего её давний соперник вдруг растерял былой боевой пыл. Ей нужно было ковать железо, пока горячо, и она с новой силой обрушила на него град обвинений:

– В своё время Хуай-ди лично передал этот священный свиток с завещанием на хранение великому сыма Се. И кроме вас, господин командующий, никто в Поднебесной не ведал о его тайном содержании. Если говорить о том, кого именно император назначил своим преемником, то единственным человеком на земле, кто знал это имя заранее, были только вы, Сыма Се. Когда Хуай-ди уходил в северный поход, его супруга Лю-хоу ещё не разрешилась от бремени, потому его выбор и пал на родного брата - Ли Суна. Но теперь у нас родился законный наследный принц. И видя, как на овейанный славой трон, который по праву крови должен достаться младенцу, хищно зарят глаза постороннего мужчины, Хуайань-ван наверняка лишился сна и покоя от тревоги, да и сама императрица Лю-хоу ни за что не смирилась бы с такой участью! И надо же, как раз в это время какой-то коварный интриган силой вывозит Лю-хоу из дворца и тайно доставляет её прямо в резиденцию Хуайань-вана! Этот план был поистине дьявольским: злодей спал и видел, как они начнут междоусобную резню в одном доме, чтобы самому без труда собрать все лавры триумфатора, я права? Так кто же, кроме обезумевшей от страха за сына императрицы Лю-хоу, мог подсыпать яд в котёл Хуайань-вана? И кто был тем самым гнусным сообщником, что заключил с ней подлый союз и помог ликвидировать принца?.. Стоит лишь поразмыслить об этом, как от ужаса кровь стынет в жилах.

Что бы ни лепетала Ли Яньи, Се Фучэнь принципиально отказался вступать с ней в препирательства. Он лишь холодно отрезал:

– Раз Хуайань-ван мёртв, а империя не может существовать без императора ни единого дня, нам надлежит незамедлительно провести пышную церемонию коронации для новорождённого наследного принца, чтобы он официально принял бразды правления Великой Юй.

– Наш наследный принц всего лишь младенец в пелёнках. Каким образом новорождённое дитя сможет управлять великой империей? Если варвары-ху завтра снова двинутся на штурм наших застав, мы что, опять отправим на передовую беспомощного, немощного младенца?! — жёстко оборвала его Ли Яньи.

– Если император слишком юн, делами Поднебесной управляют верные министры-регенты. Так велось с древнейших времён, таков закон предков.

– И у великого сыма Се, должно быть, в сердце уже готово имя этого верховного регента? Уж не себя ли самого господин командующий прочит на эту сакральную роль?

Се Фучэнь твёрдо ответил:

– Власть должна принадлежать достойному. Править должен тот, кто обладает талантом.

Ли Яньи ласково, торжествующе улыбнулась:

- Великий сыма Се изволил изречь чистую правду. Править должен достойный.

Се Фучэнь возвращался из Запретного города в глубоком унынии, а его сердце было переполнено тяжёлыми мыслями.

Когда экипаж преодолел уже большую часть пути, он внезапно скомандовал:

- Разворачивай.

- Господин Се, куда прикажете ехать? - спросил кучер.

- В резиденцию Сыту.

- А? - возница решил, что ослышался от усталости.

- В резиденцию Сыту, в поместье Вэй Луня.

Когда Се Фучэнь прибыл к воротам поместья Вэй, Линби и Сяохуа как раз помогали Вэй Тинской сойти с повозки. Сяохуа бережно пересадил госпожу в её четырёхколёсное кресло. В этот момент Линби заметила, что в сгущающихся сумерках у самого угла стены, точно зловещий призрак, неподвижно застыла фигура Се Фучэня. Сердце девушки испуганно ёкнуло, и она едва слышно шепнула Вэй Тинской:

- Госпожа... это Се Фучэнь.

Вся стража дома Вэй к тому времени уже взяла гостя на прицел: руки охранников мёртвой хваткой легли на эфесы сабель, и стоило этому заклятому врагу выказать хотя бы тень угрозы в адрес молодой госпожи, как они толпой ринулись бы вперёд, чтобы изрубить его в мелкие щепки.

Однако Се Фучэнь лишь почтительно соединил ладони перед собой, обращаясь к Вэй Тинской:

- Цзычжо... не уделишь ли ты мне пару минут для личного разговора наедине?

И стражники, и Линби с Сяохуа застыли в полном ошеломлении. Никто из них не мог предположить, что Се Фучэнь способен держаться настолько мирно, спокойно и почти потопцовски ласково назвать Вэй Тинской по её взрослому имени «Цзычжо». Кто знает, какие новые коварные козни созрели в голове этого старого лиса.

Их сердца по-прежнему были полны настороженности, но, судя по понурому облику Се Фучэня, на зачинщика драки он сейчас походил меньше всего.

Вэй Тинсуй велела служанкам и охране отойти назад. Они с Се Фучэнем уединились в двадцати шагах от ворот, ведя тихую беседу. Их голоса звучали так глухо, что разобрать слова со стороны было невозможно.

Линби пристально разглядывала силуэт и лицо Се Фучэня, и в её душе шевелилось странное, необъяснимое чувство. Ей казалось, что перед ней стоит совершенно другой человек, ни капли не похожий на того коварного, деспотичного и пугающего Се, которого она помнила по столичным интригам.

- Ты тоже это чувствуешь?.. Этот Се Фучэнь словно полностью переродился... Что-то в нём глубоко не так, - шёпотом поделилась она своими мыслями с Сяохуа.

- Да, - не оборачиваясь, отозвалась Сяохуа. - Он изрядно постарел.

От этих слов Линби словно прозрела. Се Фучэнь был младше патриарха Вэй Луня на добрый десяток лет, он издавна славился безупречным уходом за собой и по праву считался первым красавцем при дворе Великой Юй. В свои сорок с лишним лет на его лице не было ни единой морщины, и скажи кто-то, что маршал только-только вступил в пору зрелости, никто бы не усомнился. Но сегодня его виски были сплошь покрыты сединой, под глазами залегли тяжёлые мешки, а лицо приобрело землисто-серый оттенок, и старость безжалостно заявила о своих правах.

Должно быть, со смертью Ли Цзюя до него дошло, что дни его сочтены, вот он от вечной тревоги и посидел за несколько ночей, - подумала Линби. В её сердце не было ни капли сострадания к поверженному врагу. За что боролся, на то и напоролся.

Вэй Тинсуй созерцала стоявшего перед ней командующего. Видя, что тот долгое время хранит молчание, она решила заговорить первой:

- Господин Се, какое важное дело привело вас к моим дверям в этот час?

Се Фучэнь вновь глубоко и почтительно поклонился ей:

- На протяжении десятков лет наши семьи Се и Вэй вели непрерывную, кровопролитную вендетту, передавая ненависть из поколения в поколение. Я прекрасно знаю, сколько грехов и зла совершил своими руками, а потому не смею надеяться на великодушие и прощение молодой госпожи. Однако у каждого долга есть свой истинный виновник, и кара должна пасть лишь на мою голову, я...

- Будьте спокойны, господин Се, - перебила его Вэй Тинсуй, не дав договорить. - Каким бы

холодным ни казался человек, его сердце соткано не из камня и гранита. Моё существо точно такое же.

Се Фучэнь горько, едва заметно улыбнулся:

– Цзычжо, ты всегда отличалась феноменальной проницательностью и умом, это старик зря тревожился. Ныне все нити правления Поднебесной, весь этот яростный столичный шторм полностью подчинён твоей воле. В этой шахматной партии я проиграл тебе в пух и прах. Мой гений уступает твоему, и я со смирением признаю своё полное поражение. Единственное, о чём я молю, когда меня не станет на этом свете, сделай всё возможное и отыщи А-Синь. И если это будет в твоих силах, никогда не открывай ей правду о том кошмаре, что творился между нашими семьями. Пусть остаток своих дней она проведёт в тихом покое, безопасности и радости, тогда я и на том свете, у Девяти источников, смогу со спокойной душой сомкнуть глаза.

Глядя на согнувшегося в три погибели, сломленного и до крайности униженного Се Фучэня, Вэй Тинсюй выдержала долгую паузу, прежде чем сухо отрезать:

– Вам не нужно было просить об этом, я бы поступила так в любом случае. Отныне её ценность и смысл для меня стали совсем иными, нежели в самом начале.

– Вот и славно, вот и хорошо... – Се Фучэнь торопливо и незаметно смахнул набежавшую слезу из уголка глаза. – Пусть наша кровная вражда не исчерпана и никогда не будет разрешена в этом мире, но после этих твоих слов на моей душе воцарился покой. Не стану больше докучать тебе своим присутствием, Цзычжо. Прощай.

Шаги Се Фучэня были тяжёлыми и шаткими, лишь опираясь на крепкую руку своего кучера, он с превеликим трудом сумел взобраться обратно в повозку.

Линби и Сяохуа немедленно поспешили к креслу госпожи. Заметив, что взгляд Вэй Тинсюй стал пугающе глубоким и отрешённым, они с тревогой спросили:

– Всё в порядке, госпожа?

– Всё хорошо, везите меня внутрь, – тихо отозвалась Вэй Тинсюй. – Завтра нам предстоит продолжить поиски Вэньцзюнь.

При упоминании имени Чжэнь Вэньцзюнь сердце Линби вновь пронзила острая, невыносимая боль.

С момента великой битвы за Мэнлянь прошло уже четыре месяца. Всё это время они без усталости, отдавая последние силы, прочёсывали северные рубежи и обыскивали всю территорию Великой Юй в надежде отыскать её след. К поискам присоединился и Линь Юэ, от жгучей

тревоги и переживаний его борода успела изрядно побелеть.

На севере искать было уже решительно негде, и они принялись капля за каплей расширять круг облав. В этом месяце они решили испытать удачу в окрестностях столицы Жунин. Если же и здесь их постигнет провал, Вэй Тинсуй намеревалась самолично отправиться в дикие земли кочевых племён Ху. И хотя Линби всем сердцем не хотела, чтобы Вэй Тинсуй подвергала свою жизнь смертельной опасности в охваченных хаосом варварских кочевьях, судьба Чжэнь Вэньцзюнь по-прежнему мёртвой хваткой сжимала её собственное сердце.

Четыре месяца... Будь с Вэньцзюнь всё в порядке, она бы уже давно нашла способ вернуться обратно. Раз её до сих пор нигде нет, то, скорее всего...

Линби не смела даже мысленно доводить эту мысль до конца. Эта мартышка всегда отличалась редкой живучестью! Вспомнить хотя бы, как её замуровало в подземных каналах столицы. Из такой жуткой, безвыходной западни она умудрилась выбраться невредимой, значит, и в этот раз судьба обязательно убережёт её от беды.

Обязательно убережёт.

Линби ежедневно металась по округе, выкладываясь на полную в поисках подруги. Она напрочь забывала о еде и не смыкала глаз двое суток подряд, пока на третий день без чувств не рухнула прямо посреди улицы.

Когда она наконец пришла в себя, то обнаружила, что уже находится в родных стенах поместья Вэй. Вэй Тинсуй тихо сидела у её постели, листая старинный свиток.

– Ты очнулась.

– Вэнь... Вэньцзюнь?! Её нашли?! – Линби, преодолевая слабость, попыталась силой приподняться с лежанки.

Вэй Тинсуй мягко прервала её:

– На столе стоит похлёбка с клёцками, сначала поешь.

– Но как же...

– Ешь.

Линби не посмела пойти наперекор прямому приказу Вэй Тинсуй, а потому была вынуждена послушно взяться за чашу. Сделав всего несколько глотков горячего бульона, она почувствовала, как к горлу подкатывает сильный приступ тошноты. Однако Вэй Тинсуй

непрерывно и пристально наблюдала за ней. Опасаясь, что госпожа из-за её внезапной слабости решит проявить излишнюю жалость и тем самым замедлит ход поисков Чжэнь Вэньцзюнь, Линби пересилила себя и попыталась силой протолкнуть еду внутрь. Проглотив ещё три ложки, она поняла, что организм окончательно отказывается повиноваться: желудок вывернуло наизнанку, и её шумно вырвало обратно.

Вэй Тинсюй бережно взяла шёлковый платок и аккуратно вытерла Линби испачканные губы.

– Только теперь до меня наконец дошло, насколько жестоко я ошибалась, – неторопливо произнесла Вэй Тинсюй, продолжая очищать её лицо. – На самом деле, когда дело касается Вэньцзюнь, мы обе ещё очень давно всё прекрасно поняли. Если рассуждать здраво и трезво, финал этой истории нам известен. Просто наши сердца наотрез отказывались принимать эту горькую правду.

– Госпожа! – Линби мгновенно догадалась, к какому страшному выводу клонит её хозяйка, и от испуга едва не вскочила с кровати.

Но как бы бурно она ни выражала свой протест, в ответ из уст госпожи сорвались именно те слова, которых она боялась больше всего на свете.

Вэй Тинсюй пристально, не мигая посмотрела ей в глаза и отчётливо выдохнула:

– Я прекращаю поиски.

В ушах Линби в ту же секунду поднялся тонкий, пронзительный и оглушительный звон.

– Идти на поводу у собственных чувств в нашем деле непозволительная, роковая ошибка, – ровным тоном продолжила советница. – Вэньцзюнь погибла. И я не имею права обрекать и приносить в жертву ещё и вас ради призрачной надежды.

– Госпожа, но ведь Вэньцзюнь... вдруг она всё ещё...

Вэй Тинсюй крепко взяла её за плечи, и в её собственных глазах внезапно блеснули чистые, хрустальные слёзы:

– Прямо сейчас именно вы те, кто остался со мной рядом и являетесь для меня самой высшей, абсолютной ценностью во вселенной. Перед нами лежит множество великих дел, и мы обязаны шаг за шагом, неуклонно продвигаться вперёд.

Разгар лета в Жунине выдался удушливым и невыносимо знойным. Линби сидела в полном одиночестве посреди двора, мучительный приступ тошноты наконец отступил, и теперь она, бережно сжимая в руке кувшин с вином, аккуратно налила его в стоящую на столе чашу до самых краёв. Когда вино заполнило чашу, слёзы крупными каплями покатались по её лицу, но

она, преодолевая скорбь, ласково улыбнулась и высоко подняла кубок к небу:

– Сестрица Вэньцзюнь, эту чашу я пью в твою честь. Молю лишь о том, чтобы в своей следующей жизни ты обрела подлинный покой, благополучие и мир. Чтобы тебе больше никогда не приходилось скитаться по дорогам войны и терпеть невыносимые лишения, а суждено было тихо и безмятежно прожить весь свой век... И если грядущее перерождение и впрямь существует, я всем сердцем молю, что мы снова встретимся и ещё раз станем названными сёстрами. Ну же, твоя старшая сестра пьёт первая!

Линби одним махом осушила свою чашу до самого дна, а остатки вина из кувшина бережно выплеснула на иссохшую землю.

Влажный след на камнях мостовой испарился в одно мгновение, словно Чжэнь Вэньцзюнь на самом деле приняла это подношение, осушила чашу в ответ и тем самым дала подруге своё немое согласие.

Вскоре весть о гибели Чжэнь Вэньцзюнь со скоростью молнии разнеслась по всему Жунину. Абсолютно каждый обыватель в столице теперь знал, что молодая особа во главе конного отряда вместе с Цзо Куньда бросилась в погоню за раненым вождём Хаэрцы и бесследно пропала, а значит почти наверняка встретила свою лютую кончину.

Впрочем, хотя её смерть и обсуждали на улицах Жунина, тех, кого эта трагедия ранила в самое сердце, было ничтожно мало. Большинство столичных жителей лишь мимоходом вспоминали, что при дворе Ли Яньи когда-то состояла на редкость одарённая и хваткая барышня из семьи Вэй, которая и в стратегии смыслила, и на поле брани не знала страха, а уж её отчаянная попытка в одиночку настигнуть и пленить верховного вождя варваров и вовсе заслуживала высшего восхищения. Но в конечном счёте девушке просто не повезло, и кости её теперь гниют где-то в диких северных степях.

Она ведь не была родной дочерью или наследным сыном великого патриарха Вэй, и уж тем более не являлась самой Ли Яньи, так что её безвременная гибель служила лишь темой для пары праздных фраз во время обеда. Пройдёт день, поднимется солнце, и все те люди, которых она когда-то изумляла, потрясала до глубины души или чьи жизни спасала на фронте, вернутся к своей привычной рутине и новым целям, будь то забота о поиске пропитания насущного или выстраивание дальнейшей чиновничьей карьеры. Имя «Чжэнь Вэньцзюнь» стремительно и безвозвратно сотрётся из памяти толпы.

Исполинские колёса истории летели вперёд с бешеной, неудержимой силой, безжалостно и в прах перемалывая в своей колее всё то, что ещё вчера казалось важным.

После загадочной кончины Хуайань-вана остальные ваны и принцы крови один за другим принялись скоростно умирать при крайне странных, пугающих обстоятельствах. Эта череда непрекращающихся смертей погрузила весь императорский род Ли в состояние дикого,

парализующего ужаса, выжившие принцы в панике спешно паковали сундуки, пытаясь бежать без оглядки за пределы Великой Юй. Однако гибель не оставляла их и в бегах. Зловещая тень узурпаторов, точно верный пёс, неотлучно следовала за ними по пятам, настигая в любом убежище.

К тому моменту, когда изнурительный жунинский зной начал постепенно идти на убыль, уступая место первым предвестникам осени, из двадцати восьми законных принцев престола в живых осталось всего шестеро. И этими шестью уцелевшими счастливчиками были именно те ваны, что являлись верными соратниками, правой рукой и опорой Старшей Принцессы Ли Яньи.

Теперь абсолютно каждому человеку в Поднебесной было кристально ясно, чья именно воля стоит за этой кровавой баней.

Ли Яньи, этот «гнусный мятежник, узурпатор и изменник», которого столичная фракция Цинлю без конца клеймила в своих свитках как проклятие нации и безумца, поправшего все законы чести после кончины Хуай-ди окончательно сбросила маску и явила миру свой истинный, хищный оскал.

Но сильнее всех сейчас была напугана императрица Лю-хоу.

С той самой секунды, как до её ушей донеслись вести о священной кончине Сына Неба, её жизнь превратилась в сущий ад, наполненный ежесекундным животным страхом. В момент внезапной гибели Хуайань-вана она находилась в той же комнате и своими глазами видела, как несчастный принц изрыгнул на пол целое озеро густой, чёрной как чернила крови, умирая в страшных, нечеловеческих муках. Лю-хоу мгновенно приняла решение крепко схватить младенца-принца и любой ценой бежать вон из резиденции Хуайань-вана. Она трезво понимала, что если они останутся здесь хоть на час дольше, их гарантированно пустят под нож.

Однако её конный экипаж успел проскочить всего лишь один квартал, как дорога впереди оказалась наглухо перекрыта.

Лю-хоу мёртвой хваткой прижала к своей груди истошно плачущего младенца-принца, не смея разжать руки, и в панике приоткрыла шёлковую занавеску повозки, выкрикивая обвинения:

– Почему мы застыли на месте?! Разве я не отдала строгий приказ гнать коней во всю прыть и не останавливаться ни перед чем во вселенной?!

Кучер в полном отчаянии соскочил с облучка на землю и без лишних слов повалился ниц, непрерывно и истошно отбивая земные поклоны перед кем-то, кто стоял впереди.

Лю-хоу обомлела. Дорогу намертво, колесо к колесу преграждали три роскошные, парадные императорские повозки-луаньцзя. Решив, что это вернулся сам Сын Неба, Лю-хоу в безумном

ликовании уже приготовилась было выскочить из экипажа навстречу спасению, как вдруг из центральной повозки неторопливо вышел человек, один вид которого мгновенно заставил её кровь застыть от ужаса, и она в панике отпрянула назад на сиденье.

– Ли... Ли Яньи?! – задыхаясь от накатившего страха, пролепетала несчастная женщина. – Как ты... как ты дерзаешь восседать в личном священном экипаже самого Сына Неба?!

Ли Яньи была облачена в парадное императорское одеяние глубокого чёрного цвета с изящными скрытыми узорами и широкими, летящими рукавами. Её талию стягивал массивный золотой пояс с пряжкой в виде парящего дракона, а на голове высился венец из белого нефрита - «Корона белых облаков». Лю-хоу одного взгляда хватило, чтобы понять, отчего это облачение кажется ей столь до боли знакомым. Этот наряд до мельчайших деталей повторял священные походные одежды, которые на протяжении веков носили великие правители Великой Юй. И пусть в покрое были внесены едва заметные изменения, вся эта грандиозная церемониальная процессия уже ни в чём не уступала выезду легитимного императора.

Старшая Принцесса даже не подумала рассердиться на её дерзкие обвинения. Напротив, озарённая мягкой, ласковой и приветливой улыбкой, она медленно, царственной плавностью направилась напрямик к повозке. С каждым сделанным ею шагом Лю-хоу в панике всё глубже вжималась в обшивку, пока не поняла, что отступать ей больше некуда. С двух концов переулочка улица была наглухо взята в стальные тиски новобранцами из реорганизованной личной гвардии Хубэнь. Ни одна живая душа в городе не могла увидеть, что именно происходит за этой живой стеной щитов, и уж тем более никто не имел возможности сбежать. Эта беспомощная пара, одинокая вдова и её крошечный младенец, была обречена.

– Не нужно паники. Я всего лишь пришла, чтобы вернуть наследного принца обратно во дворец, – с абсолютной искренностью в голосе произнесла Ли Яньи. – Хуай-ди покинул этот мир, Хуайань-ван тоже скончался. И пусть наш наследник ещё совсем младенец, по всем законам справедливости и крови только он один имеет легитимное право унаследовать императорский трон Поднебесной. Я прекрасно знаю, сколько людей при дворе судачат, будто я сама жажду занять престол, и обвиняют меня в государственной измене... Эх, – Ли Яньи скорбно вздохнула. – Да, спорить не стану, наши политические взгляды с Хуай-ди действительно в корне расходились. Когда варвары-ху ринулись на штурм, он упорно выступал за мирные переговоры, а я настаивала на тотальной войне, в этом обвинение против меня чистая правда, тут грех отрицать. Но это вовсе не означает, что они правы, когда приписывают мне желание узурпировать трон! Хуай-ди был моим родным младшим братом, в наших жилах текла одна и та же священная кровь, как бы в моей голове вообще могла зародиться мысль оборвать его жизнь?

Ли Яньи ласково протянула руку к повозке. Стоило её пальцам едва ощутимо коснуться Лю-хоу, как несчастная женщина крупно, судорожно вздрогнула. С лицом, белым как первый снег, она резко развернула корпус, мёртвой хваткой прижимая к себе младенца и укрывая его своим телом.

– Бояться нечего, – Ли Яньи медленно, прощупывая почву, придвинулась к ней ещё на полшага. – Я явилась сюда исключительно ради того, чтобы сопроводить вас обратно в Жунин, в Запретный город. Чтобы в назначенный благословенный день провести торжественную

коронацию наследника, и он официально принял бразды правления Поднебесной.

Видя, насколько Ли Яньи благовоспитанна, утончённа и чиста, Лю-хоу, созерцая сквозящую в её облике величественную праведность, невольно засомневалась в своих прежних страхах. С тех самых пор, как сыма Се Фучэнь силой перевёз её в резиденцию Хуайань-вана, он больше ни разу не навестил её и даже не поинтересовался их судьбой, оставив одну в глухой неизвестности, из-за чего Лю-хоу все эти дни пребывала в диком, парализующем ужасе.

Проведя многие годы в замкнутых чертогах гарема, где вся её жизнь состояла из мелких интриг и грызни с другими наложницами за мимолётную благосклонность Ли Цзюя, она была абсолютно слепа и наивна, когда дело касалось истинных масштабов беспощадной борьбы за престол. Се Фучэнь изначально внушал ей смутные подозрения: этот мужчина, при всей своей безупречной мужской красоте, отличался леденящим, удушающим нравом, к которому было невозможно подступить. Ли Яньи же была вылеплена из совсем другого теста. По своей природе она была открытой, харизматичной женщиной, которая любила искренне рассмеяться. Стоило ей озарить собеседника своей улыбкой, напоминавшей распускающиеся весенние цветы, как любые барьеры между ней и незнакомцем рушились в один миг. И это природное обаяние принцессы мгновенно растопило настороженность Лю-хоу, которая к тому же была её пола. А уж когда Ли Яньи честно и открыто пообещала вернуть её дитя в Запретный город, сердце матери окончательно дрогнуло и покорилося этой вкрадчивой речи.

- Ты... ты и впрямь говоришь чистую правду? - пролепетала она.

- Разумеется, - Ли Яньи ласково коснулась её руки. Заметив, что женщина всё ещё слегка колеблется и удерживает дистанцию, она не стала форсировать события, деликатно отступив на шаг назад и указав рукой на стоящие позади парадные экипажи-луаньцзя. - Погляди сама. Я лично пригнала сюда священный экипаж Сына Неба. Пусть же наследный принц... нет, пусть новый император официально взойдёт туда и велит трогаться.

И всё же в душе Лю-хоу ещё теплились остатки паранойи, она наотрез отказалась пересаживаться в чужие повозки, пожелав вернуться в столицу в своём старом, нищем экипаже.

Ли Яньи спорить не стала, безропотно уступив её капризу.

Повозка Лю-хоу с младенцем покатила обратно по направлению к Жунину. Главнокомандующий Се Фучэнь об этом тайном перехвате не имел ни малейшего понятия.

Впрочем, он и не думал ехать в поместье Хуайань-вана. Он прекрасно отдавал себе отчёт в том, что эта беглая вдова и её новорождённый сын с момента гибели принца Ли Суна превратились в абсолютно бесполезные, отработанные фигуры на шахматной доске. Тратить ресурсы и разбивать лоб ради их спасения было глупостью, способной лишь впустую истощить остатки его фракционных сил.

Раз одни фигуры были выброшены из игры за ненадобностью, значит, пришло время полностью

сосредоточиться на тех силах, что ещё оставались в его распоряжении.

Изначально, пока Чжэнь Вэньцзюнь неотлучно находилась подле Вэй Тинсуй, руки Се Фучэня были связаны по рукам и ногам бесчисленными опасениями. Он чувствовал, что колесо его судьбы неумолимо катится к краху и изменить исход он уже бессилён. Кто же мог знать, что сама судьба в канун финала преподнесёт ему столь грандиозный, неоценимый подарок, заставив Чжэнь Вэньцзюнь бесследно исчезнуть в северных степях!

Этот внезапный поворот безоговорочно стал его самым последним, уникальным шансом.

Ранее он лично прошупал Вэй Тинсуй у ворот её поместья, и та реакция, которую проявила советница, заставила его сердце окончательно успокоиться.

Каков бы ни был исход этой финальной битвы престолов, и неважно, жива ли ещё Чжэнь Вэньцзюнь или её кости давно сгнили в снегах, его единственный, потайной ребёнок, рождённый от А-Цюн, теперь гарантированно обрёл надёжную защиту и кров. И это осознание позволило старому командующему Се со всей страстью и без остатка бросить все силы в свой финальный, отчаянный прыжок ва-банк.

Между тем нищая повозка Лю-хоу была устроена из рук вон плохо: внутри царила удушливая, невыносимая жара, а от непрерывной жёсткой тряски на ухабах младенец-принц заходился в непрекращающемся истошном плаче, и его крошечное тело горело от сильнейшей, не спадающей лихорадки. Лю-хоу, впервые ставшая матерью, в панике совершенно не знала, как помочь больному сыну, и в слезах была вынуждена унять гордость и обратиться за помощью к Ли Яньи.

Старшая Принцесса без секундных колебаний уступила им свой роскошный, прохладный императорский экипаж и приказала личным придворным лекарям из своей свиты незамедлительно заняться лечением дитя.

Лю-хоу своими глазами увидела, как под чуткими, ласковыми руками умудрённых опытом врачей её измученный сын наконец успокоился и мирно погрузился в глубокий сон. Сама она, проведя в диком напряжении весь долгий путь, тоже валилась с ног от изнеможения. Прислонившись к мягкой обшивке повозки, она решила закрыть глаза всего на пару минут и мгновенно уснула крепким, беспробудным сном. Когда же она внезапно очнулась от резкого толчка, то с ужасом обнаружила, что просторный салон императорского экипажа был абсолютно пуст. Малыша рядом не было.

Рассудок несчастной женщины помутился от подступившего ужаса, она вихрем выскочила из повозки наружу, оглашая окрестности дикими, истошными криками.

- Да что с тобой такое? Зачем так орать? - Ли Яньи с самым невозмутимым видом как раз шла

ей навстречу, бережно баюкая спящего младенца-принца на руках. Кортёж к тому времени уже добрался до пригородного тракта в паре ли от Жунина, и впереди уже отчётливо высились столичные заставы. – Я всего лишь взяла нашего нового императора, чтобы сменить ему пелёнку. Та, в которую ты его укутала, насквозь промокла, а ты сидишь рядом и ухом не ведёшь, даже не подумав позаботиться о сыне.

Лю-хоу одним молниеносным рывком буквально вырвала младенца из рук принцессы. Едва почувствовав хрупкое тело сына в своих ладонях, она ощутила, как её сердце, только что готовое выскочить из груди от парализующего страха, наконец плавно опустилось обратно на место.

Однако выражение лица Ли Яньи в этот миг стало пугающе странным. Мягкая, ласковая улыбка бесследно сошла с её лица, она хищно изогнула одну бровь, пристально буравя Лю-хоу взглядом, словно в безумном предвкушении ожидала момента, чтобы насладиться зрелищем того, как пойманная в капкан жертва бьётся в предсмертных муках.

В ушах Лю-хоу поднялся оглушительный, парализующий звон, и она инстинктивно бросилась ощупывать тело Сына Неба.

Малыш лишь тихонько пробормотал что-то во сне, плавно перевернулся, открыл глазки и, узнав мать, звонко и беззаботно рассмеялся.

Лю-хоу мёртвой хваткой прижала ребёнка к груди. В её душе бушевал свирепый ураган. Пережив за считанные минуты крах и возрождение всего своего мира, она не выдержала и громко, навзрыд зарыдала. Ли Яньи достала свой шёлковый платок и принялась лично вытирать слёзы на лице императрицы:

– Да что с тобой такое, милая? Неужто ты испугалась, будто я способна лишить жизни нашего маленького императора? Ну как такое вообще могло прийти тебе в голову? Он же мой родной, кровный племянник.

Лю-хоу подняла голову, глядя на то, как Ли Яньи вновь приняла свой былой благообразный и кроткий вид, а её глаза наполнились безграничной «любовью» к младенцу, и по спине женщины пробежал леденящий мороз. Заметив, что принцесса снова тянет руку, намереваясь потрепать ребёнка по щёчке, Лю-хоу в панике отпрянула на шаг назад:

– Старшая Принцесса изволит попусту тревожиться. Наш император слишком мал и незащищен, оттого сердце матери неизбежно болит за него чуть сильнее обычного.

Ли Яньи с улыбкой спрятала руку обратно в широкий рукав:

– Раз у нас всё в порядке, тогда в путь.

На протяжении всей оставшейся дороги Лю-хоу больше не смела сомкнуть глаз ни на долю секунды. Едва экипаж прибыл в Запретный город Жунина, она, запершись вместе с сыном в личных покоях покойного Хуай-ди, проплакала несколько часов подряд. Сразу после этого она от имени законной императрицы составила и подала двору официальную петицию. В тексте Лю-хоу открыто заявляла: наследный принц слишком слаб и чист умом, чтобы взвалить на свои плечи священное бремя управления империей, а потому она добровольно отрекается от престола в пользу достойнейшего. Старшая Принцесса Ли Яньи наделена священными небесными добродетелями, её стратегический и военный гений признан всей вселенной, а спасение родины в час великих бедствий сделало её единственным оплотом, к которому стремится любовь народных масс. Ныне престол уважительно передаётся в руки Хуайчэнь. Сама же Лю-хоу вместе с сыном уходит на покой, чтобы до конца своих дней нести безмолвную стражу у гробницы покойного императора.

Во время утренней аудиенции Лю-хоу лично явила двору этот свиток с отречением. Прижимая к себе спящего младенца, она повалилась ниц и осталась стоять на коленях прямо перед Ли Яньи, во всеуслышание объявив: если принцесса не согласится принять императорский венец, она ни за что не поднимется с каменного пола.

Созерцая стоящую перед ней на коленях, сломленную и молящую о пощаде Лю-хоу, Ли Яньи мысленно обратилась к теням прошлого. В её памяти всплыл образ безгранично преданного ей Линь Цюаня, принявшего мученическую смерть от яда, и лик её первого наставника Цзо Сюя, которому отрубили голову по приказу двора. Вспомнила она и о тысячах других верных советников и стражей, что прошли за ней сквозь огонь и воду и сгнули от палаческих топоров Ли Цзюя. Ли Яньи устремила взор к небесам:

Нам... Нам наконец удалось исполнить ваши великие надежды, о верные Нам мужи.

Ли Яньи вот-вот должна была официально взойти на драконий трон. Её родной дядя Гэн Бай вместе с министром Вэй Лунем и главой казначейства Чжансунь Яо уже вовсю занимались сложнейшей и пышной подготовкой к грядущей коронации.

Однако все эти грандиозные торжества, выставленные на всеобщее обозрение, были не более чем красивой ширмой и дымовой завесой. Се Фучэнь прекрасно понимал это. Его прошлая смиренная встреча с Вэй Тинсюй у ворот её поместья преследовала лишь одну потайную тактическую цель. Железно убедиться, что заговорщики Вэй полностью расслабились, уверовали в свою победу и настал идеальный момент для смертельного удара.

Уничтожение большинства удельных принцев и позорное бегство Лю-хоу с престола ничуть не удивили его. Напротив, он хладнокровно выжидал, пока все эти события претворятся в жизнь. Он терпеливо караулил миг, когда Ли Яньи решит, будто она окончательно выкорчевала все преграды на своём пути и настал самый благословенный час для коронации, именно в эту секунду его стальной клинок должен был намертво перерезать узурпаторше горло.

Ведь в его кулаке по-прежнему оставалась стотысячная элитная армия.

Официально эти сто тысяч воинов до сих пор числились на дальних рубежах, ведя непрерывную зачистку против бунтовщиков «Армии Жёлтой Земли». Однако Се Фучэнь уже тайно и поочерёдно перебросил все эти полки назад, расквартировав их под видом мирных жителей в лесах и деревнях всего в тридцати ли от Жунина. Внутри городских стен у него также оставалось немало скрытых сторонников, готовых открыть ворота, и даже в самом ближайшем окружении Вэй Тинсуй до сих пор действовал его потайной агент.

Стоит ему выдать один короткий приказ и стотысячная лавина стали вихрем ворвётся на улицы Жунина, нанеся концентрированный удар одновременно с силами повстанцев «Армии Жёлтой Земли». Против такого сокрушительного натиска объединённых войск и мятежников ничтожный, малочисленный столичный гарнизон Ли Яньи не продержится и часа!

Разумеется, как только великое дело увенчается успехом, оставлять в живых лидеров «Армии Жёлтой Земли» Се Фучэнь не собирался.

Предатели и бунтовщики по самой своей природе склонны к вечной измене, и щадить их было бы безумием.

Что же касается законного преемника престола, то его имя Се Фучэнь тоже определил ещё задолго до этого дня.

Удельный принц Уюань-ван по имени Ли Цин, который на бумаге присягнул на верность Ли Яньи, на первый взгляд казался человеком недалёким, простым и лишённым искры гениальности. Однако за этой невзрачной маской скрывался редкий лидер, способный безропотно терпеть любые унижения ради высших интересов государства и блага Поднебесной. Истинное сокровище, требовавшее лишь мудрой огранки. Как только голова Ли Яньи слетит с плеч, а вся её фракция будет уничтожена под корень, Се Фучэнь возведёт Уюань-вана на законный престол, став при нём верховным правителем.

Все скрытые пружины заговора были взведены, полки внутри и снаружи заняли позиции. Стотысячное войско замерло в немом ожидании, ловя один единственный сигнал Се Фучэня, чтобы залить Жунин реками крови, уложить трупами Запретный город и до единого человека истребить всех изменников и узурпаторов, дерзнувших поправить законы Великой Юй!

<http://bllate.org/book/17227/1744312>